

Василий Лягоскин

Стихи о прекрасных дамах

Вторая история из цикла: «Ах, уж эти мужики!»

Василий Лягоскин

**Стихи о прекрасных дамах.
Вторая история из цикла:
«Ах, уж эти мужики!»**

«Издательские решения»

Лягошкин В.

Стихи о прекрасных дамах. Вторая история из цикла: «Ах, уж эти мужики!» / В. Лягошкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851003-8

Шесть Прекрасных дам... Их души трепещут в предчувствии новых приключений. Что нужно сделать, чтобы попасть в средневековую Испанию? Сущий пустяк — выучить чуть больше сотни стихов. А чтобы вернуться обратно, к любимому мужу? Вопрос...

ISBN 978-5-44-851003-8

© Лягошкин В.
© Издательские решения

Стихи о прекрасных дамах

Вторая история из цикла:

«Ах, уж эти мужики!»

Василий Лягоскин

© Василий Лягоскин, 2017

ISBN 978-5-4485-1003-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Голос, зовущий тревожно,
Эхо в холодных снегах...
Разве воскреснуть возможно?
Разве бывшее не прах?*

Валентина не задавала себе таких вопросов. Она лечила свою нервную систему – целую неделю. А вместе с ней «лечились» и все пять красавиц в ее душе. Хотя, им-то что было переживать? – они были опытными путешественницами во времени. И рисковали не собственными шкурами.

– Скорее всего, – догадалась, наконец, Кошкина, – это они меня так поддерживают. Жалеют, несчастную.

«Жалели», кстати, все вокруг – весь отель; и обслуживающий персонал, и отдыхающие британцы, и любимый муж. Это после того, как Валентина, находившаяся в первый день после путешествия в далекую Элладу под особо сильными впечатлениями, устроила грандиозную головомойку английской семье, пробормотавшей вечное «Мо-о-онинг» без должной почтительности.

Так что все передвигались по коридорам перебежками; уверившись, что грозная «русская миссис» отсутствует в пределах слышимости и видимости. И на пляже рядом был лишь Виктор Николаевич, да несчастный юноша-слуга – тот самый, что однажды осмелился опрокинуть на чарующую плоть Валентины Степановны полстакана коктейля со льдом...

Валя послушала, как весело стучат о стенки очередного бокала кубики льда, кивнула, и позволила себе, наконец, признаться, что никакие нервы у нее не страдают. И что гнетет ее все последние дни единственный вопрос: «И что дальше? Куда мы теперь с вами, подруги... «дней моих суровых»?

– Как куда? – первой удивилась неугомонная Дездемона, сильнее других «страдавшая» вместе с подругой, а теперь одним мгновением сменившая тон ангельского голосочка с печального, даже трагического, на восторженный, предвкушающий приключения, – в новое путешествие! Предлагаю сегодня же лететь в Венецию. Там я, девчонки, расскажу вам пару удивительных историй... И покажу, где меня в первый раз...

– Ага, – сварливо вступила в разговор Пенелопа, – а они, эти истории, тоже как-то связаны с маврами?

Нежный голосочек Дуньязады, присоединившейся к полемике, казалось, звенел от возмущения:

– А что вы имеете против мавров? Они, кстати, в каменные статуи не влюбляются; предпочитают живых принцесс. Так что милости прошу в наши края...

– Девочки!!! – Валентина одним мощным рыком внутрь себя не дала разгореться ссоре, от которых отдыхала всю последнюю неделю, – давайте без этого... куда нам ехать, и кого искать решим общим голосованием. Но точно не к тебе, Дуняша; не в Багдад. Там сейчас знаешь, что творится? Включи телевизор – каждый день новый террористический акт.

Кошкина действительно нажала на кнопку пульта (этот удивительный разговор продолжился уже в люксе, на необъятной кровати, с краешка которой примостился Николаич со своим ноутбуком); огромную комнату заполнили волшебные ритмы фламенко. Шестерка красавиц замерла, очарованная неистовой мелодией и стремительными движениями танцовщицы. В голове же Валентины одновременно зазвучали не менее волшебные строки:

*Они звучат, они ликуют,
Не уставая никогда,
Они победу торжествуют
Они блаженны навсегда.*

Пелена очарования спала с общих на шестерых красавиц глаз очень быстро – вслед за хмыканьем Виктора Николаевича. Ученый историк, он же танцовщик, какого еще надо было поискать (и вряд ли можно было найти в целом мире!) оторвался от своего компактного компьютера, и принялся комментировать танец на экране, в котором – по его словам – ошибок было больше, чем клопов в матрасе.

– Какие клопы?! – вскинулась было Валентина, – откуда они тут?!

– Да не здесь, – успокоил ее Николаич, на всякий случай принявший низкий старт для побега (он еще не прочел в голосе любимой женщины, что недельная гроза миновала), – это я свои студенческие годы вспомнил. Так вот тогда, на дискотеках, мои однокурсники лучше отплясывали.

Он еще раз презрительно хмыкнул, и опять уткнулся в маленький экран. На большом продолжала развевать юбками смуглокожая испанка, но Валентине было не до нее. Как и до той невероятной мысли, что ее Витенька, оказывается, когда-то ходил на дискотеки (пусть до знакомства с ней, но что это меняло?!). Потому что она, наконец, задала вопрос, мучивший ее уже несколько дней:

– А ну-ка, Витя, – велела она строго – так, что муж опять на время превратился было в Усейна Болта перед стартом, – посмотри там, в своем ящике, что это за строки сами собой засоряют мои мозги.

И она продекламировала – с чувством, с толком, с расстановкой. А непревзойденная декламаторша Кассандра помогла ей в этом так мощно, что, казалось, стены отеля затряслись:

*Все бытие и сущее застыло
В великой, неизменной тишине.
Я здесь в конце, исполненный презренья,
Я перешел граничную черту.
Я только жду условного виденья
Чтоб отлететь в иную пустоту.*

Пальцы Николаича забегали по клавиатуре без всякой команды; за тем, чтобы вай-фай в этом номере был самым быстрым и полным в мире, следил отдельный человек. И сейчас выяснилось, что этот специалист совсем недаром ел свой хлеб (оплаченный, кстати, той самой заветной карточкой Валентины). Уже через десяток секунд Виктор Николаевич торжественно заявил:

– Александр Блок. «Стихи о Прекрасной даме!».

– Ну, и где здесь Испания? – озадачилась прежде всего Валентина, – хотя, конечно, я из Блока, из школьной программы помню только: «По вечерам над ресторанами Горячий воздух дик и глух, И правит окриками пьяными Весенний и тлетворный дух».

Красавицы внутри, а раньше них Николаич, посмотрели на Валю с уважением. А потом начали общим хором убеждать Валентину, ну, и самих себя, что великий русский поэт как никто другой подходит для описания волшебных ночей Кордовы, нежно тающих во рту кусочков пазлы, и горячего нрава истинных испанских кабальеро. На последних (Виктор Николаич от этого спора был уже отрезан, хотя и косился заинтересованно от своего ноутбука) Валентина сломалась. После того, кстати, как муж с некоторым озорством подмигнул ей, и сообщил, что Прекрасной даме поэт посвятил аж сто двадцать девять стихов, и что ей, Валечке, придется выучить их все – если она, конечно, хочет совершить новое путешествие в неведомое прошлое.

– За очередным молотком, – засмеялся, наконец, Кошкин.

За что и был немедленно наказан. Валентина решительно отобрала у супруга ноутбук; на задрожавшие губы Николаича отреагировала нежно, но непреклонно: поцеловала их, а потом пообещала:

– Верну! Вот все сто двадцать девять выучу, и сразу верну.

Она не стала слушать нытье пораженного таким вероломством мужа, повернулась к хихикающим в душе подругам:

– Хорошо, – согласилась она, наконец, вслух, – едем в Испанию, оценим, насколько горячи там... быки.

– О! – вскинулся тут же муж, зачем-то почесавший лоб, – это ты про корриду?! И я хочу посмотреть!

– Посмотришь, – зловеще пообещали ему сразу шесть женских голосов...

*Отдых напрасен. Дорога крута
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.*

Никто в ворота не стучал. Все они (двери, а не ворота) были распахнуты настежь. А вдоль коридоров и стен огромного холла отеля выстроились согнувшие спины в глубоких поклонах сотрудники; все – начиная от шеф-повара, до хозяина. Вот для кого этот вечер действительно был прекрасным. Баснословно щедрая, но такая непредсказуемая в своей ярости (особенно ее прекрасная половина) пара, наконец-то, покидала их. Николас, хозяин, лично принес им презент от отеля – два билета на прямой авиарейс до Мадрида. И даже открыл последнюю на сегодняшний день дверцу – в том самом автомобиле, который уже свозил Валентину в незабываемое путешествие.

– Пока, Коленька, – потрепала его по пухлой щеке Кошкина, – мне у тебя понравилось. Жди в гости... очень скоро.

Николас содрогнулся всем телом, и согнулся в поклоне еще ниже. Так что юркнувшему вслед за супругой Николаичу пришлось самому захлопывать дверцу. А Валентина, довольная и проводами, и произведенным последними словами эффектом, сразу же уткнулась в ноутбук. И потом, в «Боинге», она отвлеклась лишь на поздний ужин, и снова принялась беззвучно шевелить губами – так, утверждала она, стихотворные строки запоминались легче. Они, кстати, укладывались в память удивительно быстро и прочно. Может, потому, что вслед за Валею эти божественные строфы внутри нее повторяли сразу шесть голосов, среди которых выделялся своей торжественной строгостью талант Кассандры. Валентина понимала каждую из них; в новом путешествии (если оно, конечно, случится) ее подруги не желали болтаться в душе бесполезным балластом; они хотели быть не просто зрительницами, но и активными участниками новых приключений.

Пока же эти приключения вылились в шумную мадридскую ночь; в очередное построение персонала лучшего отеля испанской столицы; наконец, в скандал, который учинила Валентина в первый же день их экскурсии по самым интересным (читай – значным) местам Мадрида. Кошкина, а вместе с ней и пятерка красавиц, напробовались в микроскопических рестораничках той самой знаменитой паэлы (на которую Дуньязада отреагировала: «Пф-ф-ф! Рядом с нашим пилавом это даже рядом не стояло. Где здесь мясо?») и испанского вина, которое в угрожающих количествах потребовало у шестерки душ развернуться во всю ширь, и пролиться на головы несчастных испанцев грандиозным скандалом. Он и разразился, уже на трибуне знаменитой арены, где на алтарь человеческой жестокости и азарта (точнее, на песок) десятки лет лилась кровь быков.

– И это быки?! – возмутилась Валентина, а вслед за ней и Ярославна, – да у нас... да у нас в России поросята крупнее!

Бык, гонявший по арене знаменитого матадора, действительно никак не походил размерами на племенных громадин, которые ценятся больше всего ради быстрых привесов и вкусного мяса. Но яростью он превосходил любого из животных, каких за долгую эволюцию цивилизации приручил человек. Но не Валентину!

Николаич только горестно схватился за голову (на которой, в отличие от бычка, не было никаких рогов), а потом ринулся вслед за супругой на арену. Огромное ристалище замерло – так, что даже в самых отдаленных (читай – самых дешевых) уголках стало слышно, как шумно дышит остановившийся бык, и даже (это уже кто-то из подруг в душе отметил), как капает на песок арены кровь из ран несчастного животного. Несчастного – потому что этот «гладиатор», утыканный клинками (мулетами – так, кажется, они назывались), словно дикобраз, еще не знал, какое унижение ему сейчас предстояло вынести. А заодно и матадору, с недоумением уставившемуся на несуразную пару, появившуюся перед ним...

Нет! – только на женщину, которая раздувала ноздрями в ярости не хуже, чем жертвенный бык.

*Не сердись и прости.
Ты цветешь одиноко.
Да и мне не вернуть
Этих слов золотых, этой веры глубокой...
Безнадежен мой путь.*

– Безнадежен, – кивнула ему Валентина, – еще как безнадежен.

Вслух же она разразилась гневной речью, понятой матадором до самых глубин, несмотря на то, что все слова в ней были на русском языке:

– Ты зачем теленка мучаешь, паразит? По шее захотел?

Кошкина шагнула к быку; тот не успел отреагировать, как одна из мулет оказалась в женской руке. На песок тонкой струйкой полилась кровь. Испанец зачарованно уставился на этот кроваво-красный источник, и не успел отметить, как шпага взметнулась вверх, и опустилась со свистом, одарив его ягодицы острой, пронзительной болью. И это Валентина еще ударила плашмя; не так, как сам матадор быка. Парень взвизгнул совсем не героически; подпрыгнул на месте, и бросился к тем воротам, откуда недавно на него выпустили разъяренное животное. Теперь он спасался от другой ярости, гораздо более страшной и беспощадной. Надо сказать, что Валентина в своей страсти была прекрасной. Одетое по случаю первого выхода в свет длинное платье огненно-красного цвета пылало в лучах солнца; ее движения были не отрывистыми, резкими, как можно было ожидать. Нет – даже сверканье короткого клинка было сейчас словно частью танца. Да и всю огромную чашу арены, зрители которой вскочили в едином

порыве, будто заполнила музыка фламенко; в какой-то момент они начали ритмично хлопать, заставив шестерку плясуний в теле Кошкиной закружить... не забывая, впрочем, о матадоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.